

С. Заренная

Горячее
сердце

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

С. ЗАРЕЧНАЯ

3-345

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Рисунки
Л. ГОЛОВАНОВА

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1942 Ленинград

Отв. редактор *Б. Камир.*

Подписано к печати 26/V 1942 г.
3⁸/₁₆ п. л. (2,4 уч.-изд. л.) 33 200 экз. в п. л.
Л60/10. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2109.
Цена 75 коп.

Фабрика детской книги Изд-ва детской
литературы Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

12482

1957-58 г

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

681761 КХ-регк

Российская государственная
детская библиотека

От мисок с вареным картофелем шел пар, и воздух в избе казался мутным. Тяжелые капли стучали в окно — не то дождь, не то крупа. Дверь поминутно хлопала. Ребята входили продрогшие, наскоро ополаскивали руки под двугорлым глиняным кувшином, подвешенным на веревке над пустой кадкой, и с жадностью набрасывались на еду. Работа под дождем, на октябрьском ветру нагоняла такой аппетит, что даже неизменные щи на первое и картофель на второе съедались без остатка, и жалоб на однообразие не было.!

Вовка Медведков, долговязый и нескладный, намыливал над кадкой большие красные руки.

— Ирку Костину телеграммой вызвали. Везет же людям! Завтра уезжает.

— Ну?! Правда?

Смышленное востроносое лицо Юры Вострякова поднялось над кадкой, все в мыльной пене.

— А кто ее вызвал?

— Родители вызвали. Кому же еще? Враг — на подступах к Москве, так для их Ирочки опасно, видите ли. А для нас не опасно.

— Не знаю, о чем мои думают! Три недели копаешься здесь. Хватит! У меня башмаки совсем развалились.

— А у меня брюки бахромой висят.

— Эх вы! И не стыдно вам? Только о себе. Башмаки... брюки... А люди головы свои кладут, не жалеют.

Вовка обернулся. Коля Серов, высоко подняв плечи и заложив руки в карманы брюк, с подчеркнута презрительным видом смотрел на них...

Вовка почувствовал себя несколько смущенным. Но до Юры «не дошло». Он продолжал как ни в чем не бывало:

— Я отцу напишу, пускай вызовет.

— Ну, тебя не отпустят. Вон ты какой здоровенный! Костина — другое дело. У нее плеврит был. И сейчас кашляет.

Девчата обыкновенно запаздывали. Перед полдником они забегали в свою избу и приводили себя в порядок. В этот день девчата ввалились всей турьбой, взволнованные, и сразу наполнили избу звоном высоких голосов.

— Какая же она комсомолка, если отделяется?

— А ты бы ей сказала.

— Что я буду одна говорить! Надо на собрание вынести.

— Правильно.

— Это о Зое? — спросил Вовка.

— Понятно, о Зое. Сегодня же поставим вопрос на собрании.

— А сама-то она где? Чего прячется?

— Письмо от матери получила. Читает. Сейчас придет.

Хлопнула дверь. Вошла Зоя. Все сразу замолчали, и она поняла, что говорили о ней. Она вспыхнула, рассердилась на себя за это и покраснела еще больше. Молча прошла на свое место. Молча глотала остывшие щи.

В избе стало непривычно тихо. Слышно было, как звякали ложки и стучал в окна дождь.

— Что же ты? Говори, — подтолкнула Марину Валя. — Всех подбивала, а теперь на попятный?

— Скажу, когда надо будет. Отвяжись!

Зоя ела, не поднимая глаз. Уши у нее горели.

Девчата пересмеивались, поглядывали на Марину.

— Герой! — поддразнивал кто-то из ребят. — Уж не бралась бы лучше, если духа нехватает.

— Потому что Зоя права, вот Маринка и бонтятся! — запальчиво выкрикнула Валя.

— Сама знаю, что делаю! — огрызнулась Марина и повернулась к остальным. — У нас в бригаде наблюдаются нездоровые явления, ребята. Некоторые члены бригады отделяются от товарищей и... — Голос ее зазвенел и сорвался.

Зоя, сидевшая наискосок, подняла голову и с чуть заметной усмешкой смотрела на нее. Большие зеленые глаза ее от расширившихся зрачков казались черными.

— Не понимаю, зачем такое длинное предисловие, — просто сказала она. — Ведь обо мне речь, так и говорила бы прямо.

— А ты не учи! — раздраженно выкрикнул Вовка Медведков. — Подумаешь! Испугались тебя!

— Не шуми, Вовка, надо организованно, — перебил Юра Востряков. — Ребята, я считаю, что выражу общее мнение, если скажу, что поведение Зои всех нас удивляет. Отделяться от коллектива, изображать собой какого-то единоличника... для комсомолки это по меньшей мере странно.

— Странно? Слабо сказано! — зашумели вокруг.

— Не странно, а возмутительно.

— Пускай даст объяснение...

Зоя ждала, пока утихнет шум. Потом сказала спокойно:

— Нас послали сюда работать. Верно? Так надо работать честно, а вы...

Ребят точно прорвало.

— Что мы? Ну, скажи, что мы? Нечестно работаем, да?

— Как она смеет?

— Что же это такое, ребята?

— Да, вы нечестно работаете, — повторила Зоя, — и я не хочу принимать участие в такой работе.

— Она оскорбляет всю бригаду! — крикнула Марина.

— Я никого не хотела оскорбить. Разве говорить правду, значит оскорблять?

— Тогда объясни, почему, по-твоему, мы нечестно работаем?

— Да, да, пускай объяснит!

Задорные огоньки в глазах, разгоревшиеся щеки, недоброжелательный смешок...

«Что они, не понимают? Или умышленно не хотят со-
знаться?» недоумевала Зоя.

— За последнее время вы стали работать слишком быстро и потому...

— Слишком быстро? — засмеялись вокруг. — А по-твоему, как надо? Помедленней?

— Ребята, она придерживается старой поговорки: «Тише едешь, дальше будешь».

— От того места, куда едешь.

— Да будет вам трепаться! Дайте дело сказать, — прикрикнул Юра Востряков. — За последнее время мы и правда работаем быстрее, чем прежде... Как только выполним задание, нас обещали отпустить домой. Вот ребята и стараются. Что же тут плохого? Работа грязная, тяжелая. Конечно, всем домой хочется. Я думаю, Космодемьянская тоже непрочь, как и другие.

Зоя слушала, удивленная. Значит, они действительно не понимают. Точно маленькие. А ведь пора бы, десятый класс.

Сказала с усмешкой:

— Конечно, я тоже хочу домой. Но мало ли кто чего хочет? Быстрота в работе — это очень хорошо, толь-

ко не в ущерб качеству. Вон другие бригады лучше нашей работают. Вы роете по поверхности, лишь бы скорей. Много картошки остается в земле и пропадает. А картошка нужна и фронту и тылу. Потому я и говорю, что вы нечестно работаете.

— Докажи! — с обидой в голосе выкрикнула Марина.

— Это нетрудно. Подсчитайте вашу вчерашнюю выработку. Сколько килограммов приходится на каждый квадратный метр? Я свою уже подсчитала. У меня много больше, чем у вас.

Ребята молчали, смущенные. Зоя никогда не лгала, ей верили.

— Почему не сказала раньше? — упрекнула Марина. — Зачем отделилась? Нехорошо.

— Потому что хотела сначала сама проверить. Не люблю говорить зря.

— Неправильно! — буркнул Вовка и отвернулся.

Обеденный перерыв кончился. Бригада медленно расходилась. Зоя вышла первая.

Валя бросилась следом за ней.

— Я всецело на твоей стороне, Зочка, всецело!

— А ведь она права, — сказал Юра Востряков.

— Права, права! Надо по-другому правоту доказывать, — пробасил Вовка Медведков.

— Права ли, нет ли, а подтянуться нам всем придется, — сказала Валя наставительно, — нельзя же гнить картошку в земле!

В тот же вечер, примостившись в уголку стола около тусклой керосиновой лампочки, Зоя писала матери:

«Дорогая моя мамочка! Прости, что долго тебе не писала. Все некогда. Мамочка, ты уже, наверное, знаешь, что мы роем картофель, помогаем совхозникам убирать урожай. Норма выработки в день — 100 килограммов. Вот мы и стараемся выполнить норму. 2 октября я собрала 80 килограммов. Здесь мы должны оправдать наше питание. Дорогу оплатит совхоз.

Дорогая мамуся, как ты себя чувствуешь? Я все вре-

мя о тебе думаю и беспокоюсь. Сильно скучаю, но уже скоро вернусь: как только уберем картошку. Кормят нас здесь очень сытно. Основной продукт питания — картофель. Потом молоко (3 стакана в день). Последние дни — мясо на второе. Привет Шуре и всем нашим родным. Веду дневник.

Мамочка, прости меня, работа очень грязная и не особенно легкая — я порвала калоши. Но ты, пожалуйста, не беспокойся, в обуви я обеспечена и вернусь цела и невредима в Москву».

Зоя положила ручку на стол.

Написать матери о конфликте с ребятами? Или лучше рассказать потом? Будь на ее месте мать, она-то уж сумела бы подойти к товарищам так, что и конфликта никакого не вышло бы. Какая у нее выдержка, сколько такта, терпения!

Зоя вздохнула, покачала головой и быстро приписала внизу:

«Остаюсь недостойная тебя, дорогая мама, но горячо любящая тебя дочь Зоя. З/Х 1941 г.»

Она отодвинула письмо и несколько минут сидела неподвижно: не то прислушивалась к чему-то, не то думала. Она любила эти поздние вечерние часы, когда все кругом засыпало. Лампа слабо освещала стол посередине избы, лавки со спящими на них школьницами. От сонного дыхания девушек, от певучего чирикания сверчка и еще каких-то смутных ночных шорохов темнота, затушеванная углы, казалась живой и теплой.

Зоя открыла дневник, перелистала несколько страниц, на одной задержалась.

«Уважай себя, не переоценивай. Не запирайся в свою скорлупу и не будь однобокой. Не кричи, что тебя не уважают, не ценят. Больше работай над собой, и больше будет уверенности...»

Это она писала в прошлом году по поводу истории с домашними хозяйками. Она перелистала несколько страниц в обратную сторону и прочитала:

«По моей инициативе наш класс взял на себя обязательство обучить грамоте домашних хозяек в доме, что за пустырем, около Тимирязевской академии. Принялись горячо, а потом остыли, бросили. Правда, ходить через пустырь в морозные зимние вечера не очень-то приятно, но раз взялись, надо сделать. Я просила их, уговаривала, стыдила, не вышло. Свою домашнюю хозяйку я обучила грамоте, и она принесла в школу письменную благодарность. Но ведь мы-то обещали обучить десять человек. И мне, как группоргу, было очень неловко перед райкомом комсомола, что мы не выполнили обязательства. А наши ребята не только не чувствовали себя виноватыми, но еще и посмеивались надо мной.

1/1 1940 г. Под Новый год девочки у нас в классе писали друг другу пожелания. Записочку полагалось сжечь и пепел проглотить с двенадцатым ударом кремлевских часов. Тогда пожелание исполнится. Ребячество! Я, конечно, не жгла и не глотала. Но записку Вали стоит занести в дневник: «Зоенька, не суди людей так строго. Не принимай всего так близко к сердцу. Знай, что все почти люди эгоисты, льстецы, неискренние. Слова, сказанные ими, оставляй без внимания. Милая! Правда, это пожелание скорее похоже на нотацию, чем на поздравление с Новым годом?»

Правда, Валя, но твоя нотация не принесла мне никакой пользы. Я продолжаю так же строго судить и себя и других. Цель жизни каждого человека — счастье всего народа. Но если люди так плохи, стоит ли жить для них и бороться за их счастье? Стоит ли вообще жить?

И все-таки Валино письмо — клевета на людей. Настоящие люди — это такие, как Чернышевский, Шевченко, Маркс, Ленин, Сталин. Это, конечно, единицы, и подобных им пока еще мало, но их будет все больше и больше. Людей надо воспитывать».

Она быстро перелистывала дневник. Дошла до незаполненной страницы. Поставила число и начала писать мелким, но очень разборчивым почерком:

«По поводу конфликта из-за картошки. Я права несомненно. Надо работать честно. Это вопрос общего блага, а не личного самолюбия. Но почему они были так задеты? Не только потому, что я их уличила. Недостаток такта с моей стороны. Надо было сначала поговорить с ними, объяснить. Тогда, может быть, не пришлось бы отделяться.

Девочки говорят, что я слишком горда. Но разве гордость порок? «Человек — это звучит гордо». И еще одно изречение о человеке я очень люблю: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Не потому ли я так требовательна к себе и другим? Хочу, чтобы люди были прекрасны, чтобы они были достойны горьковского: «Человек — это звучит гордо».

Сегодня Валя меня опять утешала. Она говорит, что у меня горячее сердце. Верно ли это? Иногда мне кажется, что внутри меня все кипит. Особенно когда я чем-нибудь восторгаюсь или негодую на что-нибудь. Но наружно я всегда сдержанна».

Где-то далеко прогорланил спросонья петух. Зоя вспомнила, что завтра в шесть вставать. Закрывает дневник, задула лампу, быстро разделась и легла. Нагоревший фитиль светился в темноте оранжевой полоской. Пахло керосином. По селу перекликались сонные петухи.

За три недели Москва изменилась. Стала еще более настороженной, суровой, замкнутой. Общественные здания, фабрики, магазины и жилые дома притаились за железными ставнями, за деревянными щитами и пестрой маскировкой, изменяющей подлинные контуры зданий неожиданными комбинациями разноцветных геометрических фигур.

По улицам проходили отряды ополченцев, мчались санитарные машины, белые с красными крестами.

Перед «Окнами ТАСС» постоянно была толпа. Разгля-

дывали карикатуры, читали стихотворные надписи под ними, и на озабоченных лицах проступали улыбки.

Близость фронта чувствовалась во всем — и в этой настороженности зданий, и в суровой замкнутости человеческих лиц, и в мельканье военных шинелей на улицах, и в грохоте военных машин. Зоя ощущала угрозу, нависшую над Москвой, с небывалой остротой. Работа на трудфронте, которой она еще недавно так гордилась, уже не удовлетворяла ее. Теперь, когда и эта работа окончилась, Зою мучило сознание своей бесполезности.

Стены домов на уровне человеческого роста были заклеены плакатами.

Зоя медленно проходила мимо, разглядывая рисунки, читая текст. Вдруг она остановилась. С плаката в упор на нее смотрел красноармеец. Внизу короткая надпись:

«А ТЫ ЧТО СДЕЛАЛ ДЛЯ ФРОНТА?»

Зоя долго не могла оторваться от строгих, требовательных глаз бойца и этого обличительного указательного пальца, направленного прямо на нее.

Что же она сделала для фронта? Молодая, здоровая комсомолка...

Она вернулась домой хмурая, молча пообедала и, не замечая встревоженного взгляда матери, села за книгу.

Любовь Тимофеевна убрала со стола, перемыла посуду и подмела пол.

Зоя все еще сидела над книгой, ни разу не перевернув страницы.

— Что с тобой, Зоенька? — осторожно спросила мать.

Зоя рассеянно взглянула на нее, думая о своем.

— Ты видела плакат?

— Плакат? — не поняла Любовь Тимофеевна. — Какой?

— «А ты что сделал для фронта?»

— А-а, конечно, видела. Хороший плакат. Мобилизующий.

— Правда? — обрадовалась Зоя. — Замечательный плакат! Мама... а что же я-то сделала для фронта?

— Как что? Только что приехала из совхоза, а еще спрашивает! Картошка-то, она ведь тоже на фронт идет.

Зоя усмехнулась:

— Ну что это, мама? Такие пустяки! Я могу больше и должна больше.

В тот же вечер она записала в свой дневник:

«Знаменитая старостиха Василиса и все партизаны из крестьян были крепостными. Полное бесправие на родной земле, и все-таки они по собственному почину встали на ее защиту. Это изумительно! Какое величие духа таил в себе русский народ еще в те давние времена!

Смотри изречение Кутузова: «За десять французов я ни одного русского не дам». А теперь, когда каждый из нас полный хозяин своей земли... «Что ты сделал для фронта?»

Бедная, бедная мама, у нее была такая трудная жизнь! Я знаю, что я для нее не только дочь. После смерти отца я для нее самый близкий друг, и если со мной что-нибудь случится... Но иначе я не могу.

Гремят барабаны, и флейты звучат.
Мой милый ведет за собою отряд,
Копье поднимает, полком управляет.
Ах, грудь вся горит, и кровь так кипит!
Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать.
Пошла бы повсюду за ними вослед...
Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!

Как я люблю эту песню! Гениальный композитор написал музыку на слова гениального поэта — прошло больше ста лет, а эта песня все так же волнует сердца. Завтра все решится, хотя, поскольку это зависит от меня, все уже решено».

Весь день Любовь Тимофеевна была в тревоге: Зоя с утра ушла из дому и не возвращалась дотемна. Пообедали вдвоем с Шурой. Он о чем-то рассказывал. Она отвечала односложно и невпопад.

— Что это ты, мама, сегодня какая? Не слушаешь, — обиделся он.

— Голова болит.

В семье Космодемьянских Шуру все еще считали «маленьким», хотя он не намного был моложе сестры. Матери не хотелось делиться с ним своими опасениями.

После обеда Шура надел кепку и вышел.

— К товарищу, — сказал он матери на ходу. — Скоро буду.

Любовь Тимофеевна подошла к окну. Среди заснеженных пустырей поселка утоптанное шоссе едва различимо темнело в ранних сумерках. Мать напряженно вглядывалась в фигуры прохожих. Нет, не Зоя. Она стройная, как тополек. И походка у нее стремительная. Из сотни отличишь. Любовь Тимофеевна опустила темную бумажную штору и зажгла свет. На письменном столе лежала книга, раскрытая на странице с иллюстрацией. Портрет женщины в старинном русском уборе. Внизу надпись: «Партизан Отечественной войны 1812 г. Василиса Кожина. Большую сделала России пользу. Награждена медалью и 500 руб.».

Любовь Тимофеевна перелистывала страницы. Денис Давыдов, Фигнер, Сеславин... Не закрывая книги, она взглянула на обложку. Академик Е. Тарле, «Нашествие Наполеона». Так и есть... Зоя решила, и ее не переубедить. Не переубедить именно потому, что мать чувствовала ее правоту. Будь у нее самой молодость, здоровье, силы, она поступила бы точно так же.

В углу стояли Зоины калоши, разорванные на трудфронте. На вешалке — изношенная юбка. Зеленый шерстяной шарф висел поверх нее. На столе не убранная после обеда посуда. Комната казалась покинутой и неудобной.

Любовь Тимофеевна неподвижно сидела над раскрытой книгой. Озябла. Ведь она, кажется, не топила сегодня печку. И стоит ли топить? Ей вдруг показалось, что Зоя уже ушла из дому, совсем ушла. И никогда больше не вернется.

Но Зоя вернулась. Только поздно вечером. Глаза у нее лучились, щеки жарко горели.

Любовь Тимофеевна ни о чем не спрашивала. Молча разогревала обед на керосинке.

Зоя подошла, крепко обняла ее, заглянула в глаза.

— На фронт ухожу, мама... с партизанами. Никому не говори. Даже Шуре.

Мать молчала, боялась разрыдаться при первом слове. Но глаза были полны слез и плотно сомкнутые губы мучительно искривлены.

— Не по силам берешь на себя, — сказала она наконец. — Ты ведь не мальчик.

— Это все равно, мама. Я советская девушка. Конституция дала нам все. Мы должны защищать конституцию.

Любовь Тимофеевна опустила голову. Да, да, она знала раньше, Зою не остановишь, не уговоришь. И все-таки сделала еще попытку:

— Но почему непременно ты? Если бы тебя призвали, тогда другое дело...

— Так нельзя рассуждать, мамуся. Разве родину защищают только по принуждению? В партизаны все идут добровольно.

Да, так рассуждать нельзя. Любовь Тимофеевна понимала это не хуже дочери, стыдилась своей материнской слабости и все же не могла ее преодолеть.

Зоя схватила ее руки.

— Мама, ты сама говорила мне, что в жизни надо быть честной и смелой. Как же теперь, когда немцы наступают? Ведь они уже совсем близко, мама. Если бы они пришли сюда, я не смогла бы жить... ни при каких обстоятельствах. И сидеть здесь в тылу, оставаться пас-

сивной, ждать исхода борьбы, когда можно бороться самой? Ты же меня знаешь, мама. Я не могу иначе.

Да, Любовь Тимофеевна хорошо знала свою дочь. С самого начала войны она бралась за всякую оборонную работу. Записалась в противопожарную дружину. Таскала песок, шила мешки, рукавицы, шлемы. Во время воздушных налетов дежурила на крыше или на чердаке. Теперь ей этого мало. И работа на трудовом фронте не удовлетворяет ее. Конечно, она может дать больше, и ее не удержишь.

Из дневника Зои Космодемьянской 30 октября 1941 г.:
«Москва.

Пока еще Москва. Но завтра уйду. Какое счастье! «Ах, если бы латы и шлем мне достать»... Ну вот, я их и достала — «латы и шлем»! Это оказалось не так просто. Когда я прибежала в райком комсомола, мне сказали, что уже поздно, набор партизан окончен, надо было приходить раньше.

— Но ведь я только что вернулась с трудфронта. Откуда же мне было знать?

— А на курсы медсестер не пойдешь? — спросил секретарь. — Живо оформим.

— Нет, не хочу. Туда и без меня много охотников. Секретарь как-то странно посмотрел на меня, как будто видел в первый раз.

— Ладно, поговорю. Может быть, сверх плана возьмут. Приходи к концу дня.

Я ушла и долго бродила по улицам. Домой не хотелось возвращаться, пока все не будет решено окончательно. Мама, видно, догадывается, но ни о чем не спрашивает. Я люблю ее больше всех на свете, и мне так тяжело причинять ей боль.

Я озябла и зашла погреться в читальню. Спросила Маяковского. Какой это удивительный поэт! И есть же люди, которые не любят и не понимают его! Даже из молодежи. Вряд ли найдется среди современных поэтов еще

один, который с такой исчерпывающей полнотой отразил бы нашу эпоху, и не только своими стихами, их содержанием, ритмом, словотворчеством, даже особенной манерой читать их, но и всем своим существом, органически отразил.

А какая четкость, какая меткость выражений!

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь». По сочинениям Маяковского можно было бы составить целую книгу афоризмов. И каких афоризмов!

Мне бы хотелось — не теперь, конечно, теперь не до этого, — написать критическое исследование о Маяковском. Вообще я мечтаю стать писателем. Особенно меня привлекает литературная критика. И если останусь жива, то после войны...

Часы пробили четыре, и я побежала в райком комсомола.

Секретарь устроил мне встречу с командиром части, которая имеет связь с партизанскими отрядами. Тут снова началось повторение пройденного.

— А почему бы вам не пойти в госпиталь медицинской сестрой? — спросил командир.

Опять в госпиталь! Смешно и досадно. Что это они? Сговорились?

— Я хочу туда, где больше всего нужны люди. Медицинских сестер и без меня достаточно.

Командир долго и пристально смотрел на меня. Как будто не доверял мне, сомневался.

— И вы не боитесь?

— Нет.

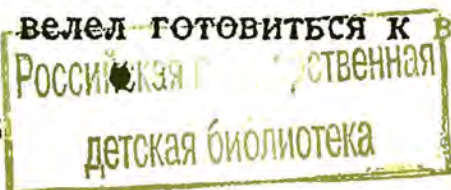
— А что, если вас немцы поймают?

— Не беспокойтесь. Как бы они ни мучили меня, как бы ни издевались, товарищей своих я не выдам.

Видимо, командир убедился, что мной руководит не ребяческий порыв, а вполне обдуманное зрелое решение. Он сказал, что мое желание будет исполнено: меня примут в партизанский отряд. И велел готовиться к выступлению.

681761

16

А что мне готовиться? Я уже готова, давно готова. Наконец я делаю все, что только могу, больше чего уже не в моих силах сделать. Это сознание наполняет меня огромным счастьем.

Во все времена, на протяжении всей истории боролись две противоположные силы: светлая, толкающая человечество по пути к всеобщему счастью, и темная, уводящая назад, к звериному быту. Это они, представители темной силы, жгли лучших людей на кострах инквизиции, гноили в тюрьмах, расстреливали и вешали великих революционеров, великих ученых и писателей. В наше время все темные силы целиком воплотились в фашизме. Бороться против них вместе с лучшими людьми моего народа и всего человечества — какая гордость! Какое счастье!»

Клавдия вернулась из разведки усталая и голодная. Уже темнело, и в костер перестали подбрасывать хворост. Ночью костров не жгли, чтобы не привлекать внимания неприятеля.

— Немцы в Петрищеве, — докладывала Клавдия командиру. — Это под Вереей, село. Отсюда и часу ходьбы не будет. Потрепанная часть. Наши здорово их отделали. Теперь переформируются и отдыхают.

— Так, — пробормотал командир и, повысив голос: — Ну что ж, ребята, дадим мы им отдохнуть и переформироваться? Как вы располагаете?

Люди сидели вокруг потухающего костра. Ловили последние остатки тепла. Молчали.

— Сухари кончились, — негромко сказал кто-то.

— Воды нет...

— На базу надо бы за продовольствием.

Женский смех покрыл слова. Он был грудной, мягкий, как будто согретый еще не остывшим пеплом костра.

— Ты что, Татьяна? — обернулся к Зое командир.

Она резко оборвала смех.

— Спрашиваешь, дадим ли мы отдохнуть фрицам?

Обязательно дадим. Только уж надо позаботиться, чтобы как следует отдохнули..., в земле. Я вот что думаю, товарищи. Кто из вас устал или болен, возвращайтесь на базу. А мне хочется еще кое-что сделать здесь. И, наверное, не мне одной. Нельзя же упускать такой случай. Правильно я говорю, товарищ командир?

Итти в Петрищево вызвались еще двое. Решили отложить до завтра. Рассмотреть засветло карту, уточнить задание.

Зоя передала Клавдии ее паек: вяленую воблу и кусок копченой колбасы.

— Пить хочется, — пожаловалась Клавдия, — а после такой еды...

— Знала бы, что ты сегодня вернешься, свою бы долю тебе приберегла.

— Ну вот еще! А сама как?

Зоя промолчала. Ее тоже мучила жажда. Она уступила свою долю воды больному Степану Ключкину.

Морозы стояли сухие, бесснежные, добывать воду в лесу, далеко от человеческого жилья, удавалось с трудом.

— Погоди, я сейчас...

Как будто о чем-то вспомнив, Зоя вскочила на ноги и скрылась в косматом ельнике. Ей мерещились пушистые от инея березки, тонкий ледок в колдобинах. Днем она едва замечала все эти подробности зимнего пейзажа, но теперь жажда рисовала их четко и соблазнительно.

Под ногой что-то хрустнуло. Зоя чиркнула спичкой. В углублении, между выступающими наружу корнями старой сосны, вода застыла тонкими слоистыми льдинками. Зоя начала собирать их в котелок. Немного, но все-таки можно утолить жажду даже вдвоем. Она нашарила ощупью между опавшими сосновыми иглами еще один тонкий осколок, последний, и начала жадно сосать его. Влага, пропитанная запахами хвои, мха, палых листьев, чудесно ее освежила. Вспомнила о Клавдии и, полагаясь на свою способность ориентироваться, смело шагнула в

темноту и вдруг оступилась. Ей показалось, что она куда-то проваливается, но нога уже нащупывала что-то вроде ступеньки. Зоя твердо оперлась обеими ногами и, не выпуская из рук котелка, ухватилась за края отверстия, сквозь которое провалилась.

Что это могло быть? Нора крупного зверя? Землянка? Может быть, ловушка, приготовленная немцами для партизан? Зажигать спичку было опасно. Лучше пойти предупредить товарищей.

Она осторожно выбралась на поверхность и, обогнув ельник, вернулась к погашенному костру.

Люди дремали, сбившись в кучку на потеплевшей от пепла земле. Не спала только Клавдия. Поджидала ее. Зоя отдала ей котелок.

Та долго пила холодную оттаявшую воду, сосала плавающие в ней льдинки. Слегка задохнувшись и оторвав губы от котелка, сказала:

— Никогда я этого не забуду! Никогда! Пей сама. Еще осталось.

— Я уже напилась. Погоди, тут такое дело выяснить надо, — и пошла будить командира.

Логово, открытое Зоей, оказалось землянкой, в которой, видимо, еще не так давно уютсиживались немцы, вышибленные нашими частями.

Повсюду заметны были следы поспешного бегства: котелок с недоеденным супом на железной печке, бутылки и кружки с недопитым вином на столе, и тут же разбросанная колода карт, заряженный маузер, пилотка, кожаные перчатки.

Партизаны осторожно обследовали землянку при свете электрического фонарика.

— Смотрите, товарищи, фашисты портки с перепугу бросили, в одних исподниках драпанули, — хохотал командир. — Ох, и горе же вояки!

Партизаны развеселились. Перспектива провести ночь под кровом, в тепле ободрила всех. В железной печке затрещали еловые ветви. Самодельная керосиновая коп-

тилка осветила низкий потолок, обшитые тесом стены. А когда в дальнем углу обнаружен был бочонок с водой, несколько банок с мясными консервами и небольшой мешок муки, подвешенный к потолку, настроение еще больше повысилось.

— Погодите, я вас лапшой угощу! — посулила Зоя.

— Разве ты умеешь стряпать? — удивилась Клавдия.

На раскалившейся докрасна печке вскипел котелок. Землянка обогрелась. Скинув меховую куртку и засучив по локоть рукава джемпера, Зоя принялась за работу. Вымыла кипятком и выскребла стол, замесила тесто, тонко раскатала его бутылкой, нарезала лапшу.

Бойцы с любопытством следили за ее ловкими движениями.

— Смотрите, Татьяна у нас не хуже домашней хозяйки справляется, — посмеивался командир. — А я-то думал — военспец и больше никаких. Ребята, вскройте-ка там мясные консервы. Фрицы в наследство оставили.

За десять дней скитаний в лесу партизаны не видали горячего. Лапша, сваренная с мясными консервами, показалась им необыкновенно лакомым блюдом.

— Ну, я рада, что вам понравилось, — улыбалась Зоя. — А мне моя первая лапша еще вкуснее показалась.

— Какая первая лапша? — спросила Клавдия.

Командир, заинтересованный, смотрел на девушку. Неожиданно для всех в ней оказались какие-то новые, казалось несвойственные ей, женственные качества.

— Ну-ка расскажи.

— Так, пустяки! — вспыхнула Зоя. — Детские воспоминания.

— Ну, не ломайся. Расскажи.

Зоя закусила губы. Она и не думает ломаться. Ей совсем не хочется, чтобы ее упрекали в гордости, тем более боевые товарищи. Она вспомнила: «Не замыкайся в свою скорлупу». И, преодолевая привычную сдержанность, начала:

— Лет шесть тому назад — да, мне тогда было две-

надцать — мать отослала меня и брата в деревню Осиновые Гаи к бабушке, на поправку. Это в Рудовском районе Тамбовской области. Я там родилась, и мать моя тоже. У бабушки огород, козы. Ну, я ей помогала по хозяйству. Вот как-то бабушка ушла на базар, а меня оставила домовничать. Ну я и навела порядок! Вымыла в избе лавки, пол. Потом заварила лапшу. Хотела было сунуть в печь, да поставила нечаянно на рогац и перевернула весь горшок. Вот испугалась-то! Но пока бабушка вернулась, я успела второй раз заварить лапшу. Какая вкусная была! Вкуснее я потом за всю жизнь не ела. Наверное, с перепугу она мне так понравилась, или проголодалась я очень после работы. А бабушка ничуть не рассердилась. Только посмеялась над моей неловкостью. Такая добрая! Она мне красный шелк на ленты подарила и туго заплетала косички, чтобы лучше росли... А коз бабушкиных звали: Майка, Зорька, Барон, Черномор и пятую просто Козя.

Зоя сидела перед открытой дверцей печки. Пламя отражалось в ее расширившихся зрачках. Щеки ярко рдели.

— Какая ты сегодня! — говорила Клавдия, присматриваясь к ней. — Я тебя такой еще не видала.

Бывший приказчик магазина трикотажных изделий, а ныне рядовой Фридрих Кенигсфест внезапно проснулся. Ему показалось, что он задыхается. Вчера он хватил лишнего, и это подействовало, вероятно, на сердце. Фридрих Кенигсфест сел на постели и начал растирать себе руками грудь. Резкий вкус горечи во рту и судорожный кашель заставили его прекратить это занятие. В отуманенном мозгу продавца трикотажных изделий мелькнуло подозрение, что дело не только в лишнем стаканчике. Когда же за темным окошком внезапно взвился огненный язык и стекла со звоном посыпались на пол, хмель окончательно выскочил из лысеющей головы рядового Кенигсфеста.

— Пожар! — неожиданно высоким голосом взвизгнул он и начал натягивать брюки на свои поджарые, давно не мытые ноги. Но совершать туалет было уже поздно. Вверху что-то затрещало. Упала горящая головня, и сквозь образовавшуюся в потолке дыру пламя, бушевавшее между стропилами, прорвалось вниз.

Фридрих Кенигсфест взвизгнул еще тоном выше и в одних кальсонах кинулся вон из избы.

Пламя бушевало в трех концах села. Обезумевшие от страха немцы выскакивали из огня в одном белье, беспорядочно стреляя на бегу. Лошадь с пылающей гривой пронеслась по улице, сшибая с ног людей. Отчаянное ржание неслось с конца села.

— Конюшня горит! — крикнул кто-то.

Ударили в набат. Растерявшееся немецкое командование давало сбивчивые, противоречивые распоряжения. Колхозники, оберегая свои избы от огня, таскали воду из колодца и заливали огонь.

Утром немцы допрашивали все население. Половину посадили под арест по подозрению в сообщничестве с партизанами. Когда же комендант села хотел доложить по телефону о случившемся в штаб, связь оказалась прерванной: телефонный кабель был перерезан.

Зоя вернулась в землянку на рассвете. Она казалась очень утомленной и сейчас же легла спать.

К вечеру следующего дня разведка донесла, что в селе Петрицево сгорело несколько изб, заселенных немцами. Но погиб ли кто из них в огне, не удалось выяснить. Зоя была недовольна результатами своей работы.

— Надо доделать! — сказала она командиру. — Я еще к ним наведаюсь.

— Ладно, только дай им сперва успокоиться. Небось, патрулей наставили около каждой избы.

— Денек пережду и пойду, — хмуро ответила Зоя. Упрямая складка легла у нее между бровями.

На другой день к вечеру она снарядилась выполнять задание. Партизаны разбрелись кто куда, только Клав-

дия читала что-то при свете коптилки да дремал на нарах выздоравливающий Степан Клюкин. Жарко натопленная землянка пропиталась смолистым духом горячей хвой.

У выхода Зоя остановилась.

— Если со мной что-нибудь случится, Клава, обещай, что напишешь моей матери... Ну, ты уж сама знаешь, утешь ее, как сможешь...

Клавдия задержала ее руку в своей.

— Какая ты, Таня... Не пойму. Вот прожили мы с тобой бок о бок больше месяца. Всем делились — и кровом, и ночлегом, и мыслями, и куском хлеба, и последним глотком воды. Одних споров литературных сколько было за это время! А что ты за человек, я так и не знаю. Каждый раз в тебе что-то новое нахожу. И вот теперь... Как же я напишу твоей матери? Я ведь фамилии твоей не знаю. А имя? Может быть, тебя вовсе не Татьяной зовут?

Зоя усмехнулась.

— Это не важно. Напишешь в райком комсомола Тимирязевского района, передадут.

— Но что тебе в голову приходит? В прошлый раз все так удачно вышло. — И поспешила ответить на нетерпеливое движение Зои: — Ну, конечно, обещаю. Какой может быть разговор!

Они выбрались вместе из землянки, и Клавдия долго смотрела вслед подруге.

Вернувшись из продмага, Любовь Тимофеевна подала к чаю изюм и печенье. Третий сверток, с сыром, спрятала в буфет.

— Это для Зои, — сказала она Шуре. — Знаешь, Зоя любит сыр.

Любовь Тимофеевна ждала дочь со дня на день. Недавно от Зои пришла открытка. Она писала, что приедет домой погостить, как только выполнит задание.

Но время шло. Сыр в буфете начал высыхать, трескаться и покрываться желтой маслянистой коркой. А Зоя не приезжала. Любовь Тимофеевна придумала обернуть сыр в полотняную тряпочку, смоченную водой. Сыр отошел и снова приобрел свежий вид, но спустя несколько дней он заплесневел. А Зоя все еще не приезжала, и писем от нее больше не было.

Мать ходила справляться в райком комсомола. Там тоже ничего не знали.

Любовь Тимофеевна была встревожена. Работа валилась у нее из рук. Она могла думать только о Зое.

Какой это был верный друг и помощник! С раннего возраста она нянчила Шуру, тогда новорожденного. Качала его колыбельку, баюкала тоненьким голоском. И позже с каким не по-детски озабоченным видом она докладывала матери, когда та возвращалась с работы, как вел себя Шура и что она сама успела сделать по хозяйству!

Когда Зоя немного подросла, все заботы по дому — уборка, закупка продуктов, приготовление пищи — легли на нее. После смерти мужа Любовь Тимофеевна, работавшая педагогом в школе, старалась набрать как можно больше уроков, чтобы дети не чувствовали нужды.

Упрекая себя в малодушии, стыдясь его, Любовь Тимофеевна думала о том, как хорошо было бы, если бы ее Зоя оставалась с ней, нежная, ласковая, внимательная.

Разве все должны быть непременно героями?

С любовью вспоминала она привычки дочери, ее маленькие прихоти.

Зоя любила фрукты, ягоды, и Любовь Тимофеевна старалась достать их для нее во всякое время года, как бы трудно это ни было.

— А ты сама сегодня обедала, мама? — строго спрашивала Зоя, и когда мать, краснея, признавалась, что не успела пообедать, Зоя сердито откладывала лакомство в сторону:

— Не стану есть!

И уступала только после долгих настояний матери.

— Ладно, но с условием: давай есть пополам.

Одно воспоминание мучило Любовь Тимофеевну, как дурной навязчивый сон. В тот день она вернулась из школы усталая и раздраженная, а Зоя забыла разогреть для нее обед. Она рассердилась.

Как вспыхнула тогда Зоя! С каким мучительно виноватым видом просила извинить ее! Она засиделась за решением алгебраической задачи и пропустила время, — ей не давалась математика.

Любови Тимофеевне казалось, что никогда, до самой смерти она не простит себе этой несправедливости. А если Зоя не вернется...

Мать зарывалась в подушки, уходила под одеяло с головой, как будто хотела спрятаться от собственных страшных мыслей.

Но сон не приходил до утра.

Когда Зоя вышла из землянки, было совсем темно. Справа, слева, спереди лес наступал на нее стволами деревьев. Они казались оплотневшими сгустками тьмы. Зоя шла, протягивая вперед руки, как слепая. Только снизу как будто светилась заснеженная земля. Но постепенно глаза привыкли к темноте. Знакомая тропка, по которой Зоя шла третьего дня, вывела ее на опушку. Избы села Петрищево мутными пятнами намечались на снегу. Напряженно вглядываясь в темноту, Зоя отсчитывала строения. Вон там, направо, намеченный объект. Она пошла напрямик, мягко ступая в валенках.

Вся деревня будто спит. Нигде не видно патрулей. В прошлый раз вышло так удачно. Теперь, конечно, они настороже. Легче всего попасться, когда вспыхнет огонь и осветит все вокруг. Если б успеть уйти, как тогда...

Она вынула из-за пояса бутылку. Острый запах бензина просочился в морозный воздух. Первая спичка сломалась. Она вынула вторую. Вдруг кто-то схватил ее за левую руку. Коробка со спичками упала в снег.

«Наган!» сверкнуло в мозгу. Она успела нашарить его сбоку под меховой курткой, но в ту же секунду ей сдавили плечи железными тисками и крепко скрутили веревкой руки за спиной. Все произошло мгновенно, без единого слова. Слышно было только напряженное дыхание трех рослых мужчин. Они повели ее: двое по бокам, третий подталкивал в спину штыком.

Теперь конец! Она вспомнила прощание с матерью:

«Не плачь, мама. Ты будешь гордиться мною. Я вернусь героем или умру героем».

Теперь она уже никогда не вернется. Никогда! Какое страшное слово! Непонятное и пустое. Что значит никогда? Не надо об этом думать. Она не вернется героем, но ей остается еще умереть героем. Это уж от нее зависит. Этого немцы не смогут у нее отнять.

Остановились около какой-то избы. Скрипнула примерзшая дверь. Грубо втокнули и начали обыскивать.

Хозяйка избы с дочкой-подростком шарахнулись к печке и оттуда смотрели с испугом, как солдаты срывали с паренька шапку, стянули валенки с ног, вытащили из-за пояса две бутылки с бензином и запасную коробку спичек. Парень стоял спокойно, слегка нагнув голову, исподлобья поглядывая на солдат.

— Маманя, а маманя, — быстрым шепотком заговорила хозяйская дочка, — чтой-то он так стоит? Или не боится вовсе?

С меховой курткой и вязаным шерстяным джемпером возились долго. Чтобы снять их, пришлось развязать скрученные за спиной руки. Немцы делали это неторопливо и с опаской, как будто у русского партизана, пойманного и обезоруженного, гранаты могли вырасти на ладонях.

Когда паренек остался в одних чулках, ватных брюках и тонкой полотняной кофточке, хозяйская дочка ахнула изумленно:

— Маманя! Девка это, не парень.

Изба наполнялась солдатами в серо-зеленых шинелях.

— Пагтизан! Пагтизан! — картавили немцы, со смехом указывая на Зою пальцами.

Они уже поделили отобранную у нее одежду. меховая куртка трещала по всем швам на увесистом краснорожем фельдфебеле. Тощий, измученный солдат в платке, по-бабьи повязанном поверх затрепанной летней пилотки, сбросил худые башмаки на деревянных подметках и, плотнее обернув ноги клочьями грязной, пропитанной потом газеты, заменявшей ему давно отсутствующие носки, примерял валенки. Остальные с завистью на него смотрели. Им валенки были не впору.

Шерстяной джемпер достался бывшему приказчику из магазина трикотажных изделий. Он деловито осмотрел его и от удовольствия прищелкнул языком. Это был мягкий, пушистый джемпер. Зоя взяла его у матери «на счастье». Натянув трофейную добычу на свое изъеденное вшами тело, специалист по трикотажу пришел в благодушное настроение и решил полюбезничать с хозяйкой.

— Матка, партизан твой гауз пф-пф! — И он указал сначала на Зою, потом на бутылку с горючим и громко захохотал, хлопнув хозяйку по спине.

Женщина молчала, плотно сжав губы.

Зою вытолкнули из избы. Стужа раскаленными иглами впивалась в разутые ноги, подступала к самому сердцу.

— Рус, марш!

Привели в другой дом. Человек в форме полковника, с квадратным лицом и квадратными плечами, слушал доклад конвойного. В быстром картавом говоре Зоя улавливала знакомые немецкие слова:

«...бензин, спичкой... партизан... поджигатель».

Вокруг стола сидели господа офицеры.

— Позвать переводчика, — приказал полковник.

Изба была жарко натоплена. Зоя немного отошла. Только руки, перетянутые за спиной тугой веревкой, саднило нестерпимо. Офицеры ели, пили и, посмеиваясь, нагло разглядывали девушку. Она тоже смотрела на них, и ей казалось, что перед ней не человеческие лица, а ка-

кие-то уродливые маски. Вот этот, с низким лбом крестина и желтыми волосами, словно приклеенными к плоскому черепу, или тот, с тяжелой обезьяньей челюстью и глубоко сидящими косыми глазками закоренелого преступника. И другой, с острым, как шило, носом и тусклыми, судачьими глазами.

Зоя не чувствовала страха, только гадливость и отвращение.

Вошел переводчик, рыхлый немец с вороватыми глазками, утонувшими в пухлой сдобе щек.

— Спросите ее, откуда она, — сказал по-немецки начальник.

Переводчик повторил его слова довольно чисто по-русски.

— Из Саратова, — без запинки проговорила Зоя заранее подготовленный ответ.

— Ложь! Партизанские отряды возникают в оккупированных нами местностях или формируются где-нибудь поблизости. А Саратов далеко. Сколько времени она переходила линию фронта?

— Три дня.

Полковник недоверчиво покачал головой.

— Спросите ее, кто еще был с ней.

Зоя смотрела прямо в квадратное, искаженное злобой лицо.

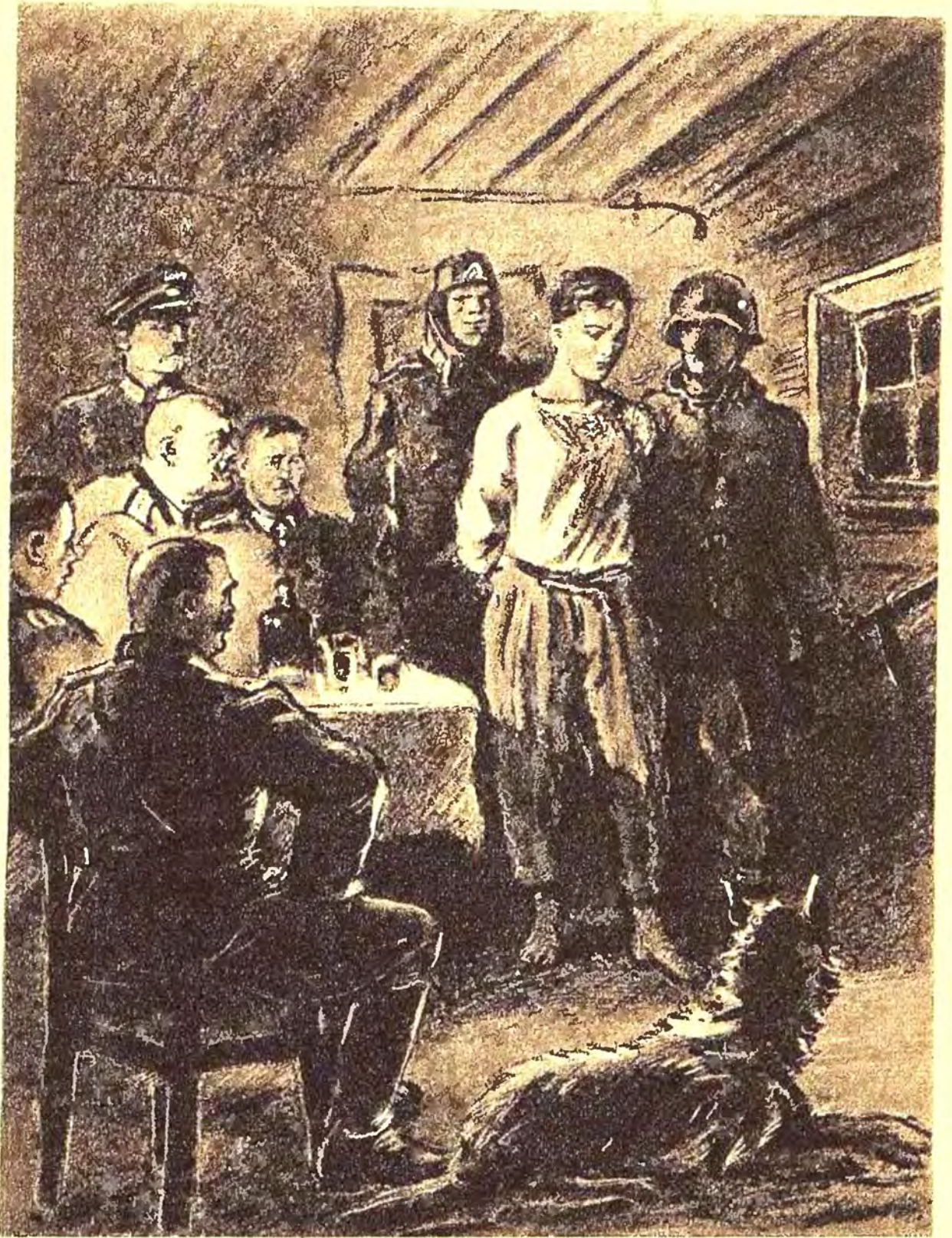
— Еще один товарищ, тоже девушка.

— А! Мы начинаем разговаривать! И где же теперь находится эта девушка?

— Где теперь эта девушка? — повторил переводчик по-русски.

— Немцы задержали ее в Калуге, — с невозмутимым видом ответила Зоя.

— О, хитрая! Путаешь! Заметаешь следы! погоди, я сумею вытянуть у тебя правду. Твою подружку задержали? Очень хорошо! Но где же находятся другие партизаны из вашего отряда? Ну?

— Не знаю.

— Не знаешь? Скоро узнаешь. Приготовить ремни. Разденьте ее.

Двое солдат бросились к Зое, повалили на лавку, сорвали с нее ватные брюки.

— Батюшки, святые угодники! — горестно охнул кто-то, и Зое почудились чьи-то старческие, будто вылинявшие глаза, испуганно и соболезнующе глянувшие на нее из-за ситцевой занавески у печки.

— Убрать старуху! — приказал начальник, но оглушенная болью Зоя уже ничего не слышала.

— Один, — сказал кто-то по-немецки, — два, три, четыре, пять...

Ремень ожогами впивался в тело.

Чтобы не закричать, Зоя задерживала дыхание, кусала губы, царапала ногтями ладони.

→ Девять, десять...

— Довольно! — крикнул полковник и кивнул переводчику.

— Ты скажешь, где партизаны?

Зоя лежала с закрытыми глазами. Молчала. На какую-то долю секунды перед ней возникла комната в райкоме комсомола. Желтый кружок света от электрической лампы на письменном столе. Внимательные глаза начальника партизанских отрядов. «А что, если вас поймают немцы?» — «Не беспокойтесь, как бы они ни мучили меня, как бы ни издевались, товарищей своих я не выдам...»

Зоя оставалась неподвижной. Она уже не чувствовала боли.

— Облейте ее водой! — сказал кто-то по-немецки.

Холодная струя хлестнула по лицу, как плеть.

— Ты скажешь, где партизаны?

Зоя подняла голову и с ненавистью в каждом звуке отчеканила:

— Не скажу!

— Еще десять! — скомандовал полковник.

Засвистал ремень.

В сенях, прислонившись к стене, стояла старуха, маленькая, сухонькая, лицо с кулачок под надвинутым на самые брови платком. Запавшие губы ее что-то шептали. По древним морщинам текли слезы. Сдвинув платок, она прильнула восковым ухом к двери. Режущий свист ремня. После каждого удара немец бормотал непонятно, по-своему, будто считал.

И переходя немного снова:

— Скажи, где партизаны.

И уже не звонкое, как в первый раз, а приглушенное, замученное:

— Не скажу.

Это тянулось долго, и казалось, конца этому не будет: свист ремня, методический счет ударов и все тот же вопрос по-немецки, повторенный переводчиком по-русски, и глухое, подконец чуть слышное: «Не скажу».

Старуха крестилась и плакала.

— Откудова что берется! Ведь вовсе умученная. И плетью сечена, и стужей морожена, а вражьей силе не поддается. Воистину заступница святая за нас, грешных...

Дверь распахнулась. Зою толкнули через порог. Босая, со связанными назади руками, в рубашке с широкими пятнами крови от рубцов на спине, она глядела перед собой помутневшими от боли глазами, как будто не видя.

Старуха всплеснула руками, всхлипнула и отвернулась к стене.

Ожоги мороза были почти безболезненными для притупленных пытками нервов, холод даже освежил воспаленное тело.

Гнали далеко, через всю деревню. Привели в какую-то избу. Солдаты ушли. Остался один караульный. Зоя шагнула к лавке. Ноги не слушаются, будто чужие. Все закружилось перед глазами: стены, и стол, и маленькая керосиновая лампа. Зоя рванулась, хотела ухватиться за угол стола, но руки были связаны за спиной, и она тя-

жело упала на лавку. Кто-то над ней наклонился; синие глаза на желтоватом измученном лице.

— Пить!

Женщина ушла и вернулась с ковшиком.

Немец хватил ее кулаком по руке.

— Ты тоже хочешь палка?

Звякнул ковшик, расплескалась вода. Зоя сидела на лавке, прислонив голову к стене. Глаза ее были закрыты.

— Пить!

Вдруг опалило щеку. Она подалась назад. Прямо в лицо ей, обжигая ресницы, надвигалась горящая лампа.

— Пей керосин! На, пей керосин!

Рыжее, заросшее щетиной лицо, звериный оскал зубов и бессмысленный злобный хохот, потом стук прикладом об пол.

— Марш!

Она пытается подняться и снова падает на лавку. Он схватил ее за связанные на спине руки, поволок вон из избы. Тогда, напрягая всю свою волю, она все-таки встала и пошла на негнущихся деревянных ногах.

Снежный вихрь слепил глаза, хлестал колючей крупой обнаженные ноги, руки и грудь, сжимал ледяными тисками голову.

Девушка шагала, как автомат: раз-два, раз-два.

— Назад!

Она повернула и, не чувствуя ног, зашагала в обратную сторону. Босая, полуобнаженная, с развевающимися по ветру волосами, она шла сквозь лютую стужу и снежные вихри, неправдоподобная, как привидевшийся кому-то страшный сон.

— Назад!

Девушка поворачивается.

— Раз-два, раз-два.

Мертвящий холод ползет от ног по всему телу. Только сердце еще колотится внутри горячим комком, но все слабее удары, и уже клонит ко сну, и голова падает на грудь.

— Назад!

Она вздрагивает, поворачивается, хочет идти, но немец и сам озяб. Он толкает ее на крыльцо. Избяное тепло огненными крючьями впивается в потерявшее было чувствительность тело. Зоя смотрит на свои отмороженные, почерневшие ноги: завтра начнется гангрена. Но завтра...

Который теперь час? Одиннадцать? Двенадцать? Их вышло трое на задание. Двое мужчин и она, Зоя. Они должны были встретиться в условленном месте, около горбатого мостка. Те двое подождут-подождут и уйдут в землянку предупредить остальных, что она попалась. Из предосторожности все перейдут на ночевку в другое место, потом вернутся на базу. «Вы можете быть спокойны, товарищи, я вас не выдала и не выдам».

Утром все будет кончено. Ее расстреляют или повесят. И никто не узнает про эту страшную ночь, про пытки и глумление над нею. И никто не узнает ее имени. Среди партизан ее называли Таней. Свое настоящее имя она скрывала, оберегая мать и брата. Ведь Москва была под угрозой. Только в райкоме комсомола станет известно, что Зоя Космодемьянская пропала без вести. Но долго еще будет поджидать ее мать, будет часами простаивать у окна, вглядываясь в заснеженные пустыри поселка, будет вздрагивать при каждом стуке в дверь и выбегать навстречу почтальону.

— Марш!

Немец отогрелся и снова погнал ее на мороз. Но ненависть ужалила сильнее мороза, она подхлестнула волю и родила надежду. Нет, неправда, ничто не проходит бесследно. И страшная ночь, и кровавые рубцы на спине, и каждый шаг ее босых ног по жгучему снегу — все найдет отклик в миллионах сердец, за все заплатят мучители.

Женщина с изможденным лицом сидела на лавке. Узловатые натруженные руки лежали на коленях. В глазах был испуг. Она видела: полуголая девушка шла сквозь вьюгу босыми ногами по снегу и волосы ее трепались по

ветру. Это было как страшный сон, от которого хозяйка избы никак не могла проснуться. Сколько раз немец выталкивал на мороз раздетую партизанку, женщина не могла сосчитать. Он выводил ее из избы, как только отогревался сам, и гонял по улице, пока сам не замерзал.

Но всему приходит конец. Рыжего кретина в серо-зеленой шинели сменили. На дежурство заступил солдат с опухшим землистым лицом и обвязанными тряпкой ушами. Он равнодушно взглянул на замученную партизанку.

— Прилечь бы ей, — сказала хозяйка, просительно глядя на немца. И показала на лавку, поясняя слова знаками.

Солдат пожал плечами.

Хозяйка вышла, но тотчас же вернулась с одеялом и подушкой.

— Ложись покудова.

— Пить! — попросила Зоя.

Женщина зачерпнула воды из кадки, неуверенно взглянула на немца. Тот мотнул головой.

Зоя жадно глотала холодную воду. Потом попробовала лечь, но связанные руки мешали.

— Развяжите мне руки, — попросила она по-немецки.

Солдат подошел, взглянул на распухшее, все в ссадинах и кровоподтеках лицо, на истерзанную спину в локутах кожи, на почерневшие отмороженные ноги и покачал головой: такая не опасна и с развязанными руками. Он распутал веревку. Зоя легла ничком. Хозяйка покрыла ее одеялом.

Всякому страданию бывает предел. Измученные нервы теряют чувствительность, дают передышку, покой, забытье.

...Зоя лежит на песке, возле речки. Жарко. Немного саднит спину. Это потому, что вчера не послушалась бабушки, — перегрелась на солнце и сожгла спину до пузырей.

Лето выдалось на редкость знойное. В деревне болтают, будто жара дойдет до восьмидесяти градусов и

тогда вода в речке будет кипеть. Но Зоя таким глупостям не верит. Она уже большая, ей пошел тринадцатый год. И к тому же она отличница.

Жарко. Собирается гроза. Бабушка скликает коз:

— Козя, Козя, Козя! Майка! Черномор! Глупые! Они испугались грома и отбились от стада.

Пить! Это от жары такая жажда. Сейчас бабушка подоит коз, и Зоя будет пить вкусное козье молоко. Потом она вымоет пол, столы, чисто приберет в бабушкиной избе. Зоя любит помогать бабушке. Ей вообще скучно без работы, а летом в деревне, без школы в особенности. Кто-то стучит в дверь. Мама! Это мама приехала. Бедная мама! Она больная. Она так устала. Теперь у нее отпуск, и она отдохнет... Как хочется пить! Мама привезла из Москвы варенье. Сейчас они будут пить чай. Только надо еще домыть пол. Но у Зои болит спина, она не может больше нагибаться.

— Ах ты, страдальца! Я подарочек тебе принесла — красный шелк на ленты, косицы заплетать, — говорит бабушка и смотрит на нее из-за ситцевой занавески добрыми, как будто вылинявшими глазами.

Зоя делает последнее усилие, но спину жжет, как огнем.

— Ты чья будешь? — спрашивает бабушка.

Зоя открывает глаза. Чужая старуха с коричневым, как древесная кора, лицом наклонилась над ней и смотрит из-под надвинутого на самые брови платка. В углу на лавке серо-зеленая шинель. За окном мутное зимнее утро. Недавняя девочка Зоя с алыми лентами в пышных косичках, избитая, истерзанная, лежит на лавке в чужой избе. Где-то на середине села глухо стучит топор.

— А мать-то есть? — спрашивает старуха.

Зоя молчит.

— Как она плакать-то будет! — говорит старуха и сама всхлипывает.

— Погодь, бабушка, — отстраняет ее хозяйка избы. — дай сказать.

Синие глаза на желтоватом изможденном лице смотрят на Зою испытующе и строго.

— Третьего дня ты у нас была? Говори, не бойсь, этот по-нашему не умеет.

— Я.

— Ты спалила дома?

— Я.

— Пошто?

— Задание у меня такое было. Немцев жечь. Их военное добро. Сколько я домов сожгла?

— Три.

Зоя вздохнула.

— Мало. А еще что сгорело?

— Двадцать коней ихних и этот... сказывают, как его... кабель телефонный.

— А немцев-то сколько сгорело?

— Один. С пьяных глаз выскочить из огня не успел.

— Только один? Мало.

Хозяйка с укоризной смотрела на Зою.

— Палите! А нам куда податься? Нам что теперь делать? Говори.

Зоя села на лавке. Выпрямилась. Глаза ее блестели.

— Уходить вам всем надо отсюда, вот что. Здесь вам делать нечего. Все равно с немцами житья не будет. Забирайте добро, какое еще осталось, в лес уходите, в землянки, а то последнее отберут. Немца гнать надо, бить, жечь. Если он осядет здесь, всю землю у вас отберет, своим помещикам раздаст, а вас батраками сделает. А об избах не тужите, изба дело наживное, можно новую выстроить.

— И что за люди есть на свете! — шептала старуха. — Об нас печалится, о себе не думает. А сама-то избитая, а сама-то умученная...

— Встать!

Люди-автоматы, люди-маски, тупые, злобные, кретинообразные.

Зоя стояла полуобнаженная перед этими застегнутыми на все пуговицы двуногими, и не от стыда — она не считала их настоящими людьми, — а от ярости у нее дрожали губы.

— Посмотрите, что сделали со мной ваши солдаты; раздели меня донага.

Квадратный полковник нахмурился.

— Вернуть ей одежду! — приказал он караульному.

Минуту спустя принесли часть вещей. Зоя пыталась одеться, но негнулась спина и омертвевшие пальцы не могли ухватить края одежды, выпускали концы.

— Дай подсоблю, — предложила хозяйка. Она натянула чулки на почерневшие, опухшие ноги, надела ватные брюки, кофточку.

— Как-никак, попрстойнее будет.

Полковник внимательно следил за туалетом партизанки.

— Подать остальные вещи.

— Остальные вещи, господин полковник... — испуганно залепетал караульный, — остальные вещи... — и схватился за скулу: тяжелая пятерня начальника отпечаталась на небритой щеке.

— Трофейное имущество принадлежит господам офицерам. Понял, негодяй? Только господам офицерам. Немедленно доставить вещи в штаб.

И опять начался допрос партизанки.

— Скажи, где твои товарищи?

Зоя молчала.

— Не скажешь?

— Не знаю.

Квадратный полковник совещался с офицерами штаба. Говорили вполголоса, но отдельные слова доходили до Зои.

— Нет... бесполезно. Она скорее умрет, чем выдаст. Нельзя же отправить на виселицу труп... Публичная казнь — это поучительно. Жаль было бы упустить... Сделаем последнюю попытку.

И, обернувшись к Зое, спросил как бы невзначай:

— Где теперь находится Сталин?

Зоя вздрогнула, выпрямилась. Глаза ее блеснули и голос зазвенел.

— Сталин на своем посту!

— Donnerwetter! — пробормотал полковник. — Вы были правы, господа. От этой фанатички не добьешься ничего. Пора кончать.

Он отдал распоряжение конвою.

С утра стучали топоры. На самой середине села, на перекрестке двух дорог строили виселицу. Народ согнали из Петрищева и из всех соседних оккупированных деревень. Было объявлено, что будут вешать партизанку и расходиться не велено до самого конца. Люди стояли вокруг виселицы. Хмуро косились на нее. Молчали. Переминались с ноги на ногу.

— Ведут! Ведут! — закричали ребятишки.

Зоя шла среди конвойных со связанными назади руками, с высоко поднятой головой. По обеим сторонам дороги толпился народ. Глаза, глаза, глаза... Хмурые, замкнутые или залитые слезами... Все устремлены на нее. Вот они, те, за которых она отдает свою жизнь! Надо умереть так, чтобы каждое слово ее, каждое движение запало им в сердца.

Виселица. Низко спускается петля. Два ящика под ней поставлены один на другой. Лестница в смерть. Зоя поднимается по высоким ступеням. Раз, два. Теперь голова ее под самой петлей. Вокруг у ног теснится толпа. Только бы успеть сказать им, найти нужные слова.

Но в эту минуту солнечный луч рвет в клочья морозный туман. Мглистые, позолоченные, они ползут в разные стороны, путаются в косматом ельнике и, цепляясь за рыжие стволы сосен, истаивают синеватой дымкой.

Широкий солнечный мир раскрывается перед Зоей. Седые березы, ель, сосна. Окованная стужей речка пуши-

стой белой лентой вьется меж крутых берегов. Через речку перекинулся горбатый мосток. А там без конца и края ослепительные белые просторы. Глубокие синие тени ложатся на снег под солнцем.

«Страна моя!»

Ей хочется протянуть руки, обнять весь этот радостный мир, который она сейчас, вот сейчас должна покинуть, но руки крепко связаны за спиной.

Толпа стоит вокруг — не шелохнется. Молчат. Смотрят. Ждут чего-то. Надо сказать им. Скорей, пока не поздно. Но слова нейдут, и мысли разбегаются, и глаза не могут наглядеться на родные места. Над ближайшими избами вьется дымок, поднимается вверх, уходит в бледно-голубое небо. От виселицы крест-накрест расходятся две широкие дороги.

«...И вот перед глазами Ильи Муромца три пути-дороги. Он пренебрегает богатством, не хочет быть женатым и идет по третьей дороге. По которой кто пойдет, тот там и умрет».

Откуда это? Да... это из ее школьного сочинения: «Илья Муромец — любимый богатырь земли русской». Внизу отметка: «отлично».

Что ей приходит в голову!

«Мама... мамуся родная, прости меня. Я не могла иначе».

Сколько глаз! Угрюмые, замкнутые или залитые слезами. Истощенные землистые лица. Ждут. Смотрят на нее. Надо сказать им. Скорее, пока не поздно...

Внизу, у самых ног ее вертится серо-зеленая шинель. Щелкает кодак.

А, так им мало пыток и глумлений над русскими людьми! Надо еще заснять позорную казнь, чтобы глупые «арийские» самки, вырядившиеся в награбленное советское добро, могли полюбоваться, как их фрицы и гансы вешают русских девушек!

Сердце вскипает жаркой ненавистью. Слова рождаются сами, простые и ясные:

— Товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Глаза... глаза... Синие на желтоватом изможденном лице женщины, блестящие от слез, и недобрым огоньком сверкающие угрюмые глаза на заросшем клочковатой бородой лице мужчины... Ужас и боль в круглых глазах девушки...

И голос теплеет от нежности к обездоленным людям.

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ!

Старуха с морщинистым, как древесная кора, лицом утирает слезы концами головного платка; запавшие губы шевелятся.

Фотограф все еще щелкает кодаком: и справа заходит, и слева, и сзади, и спереди. Неизвестно ведь, какой снимок выйдет эффектнее.

— Doppelwetter! Кончайте же скорее! — торопит фотографа полковник. — Эта фанатичка бог знает что наговорит им.

Зоя оглядывается на голос. Серо-зеленые шинели, бабьи платки и тряпки поверх летних пилоток, маски, уродливые, тупые и злобные.

Зоя отыскивает глазами квадратное лицо полковника.

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!

Голос ее звучит угрозой.

— Солдаты! — бросает она в серо-зеленую толпу. — Пока не поздно, сдавайтесь в плен. Все равно победа будет за нами!

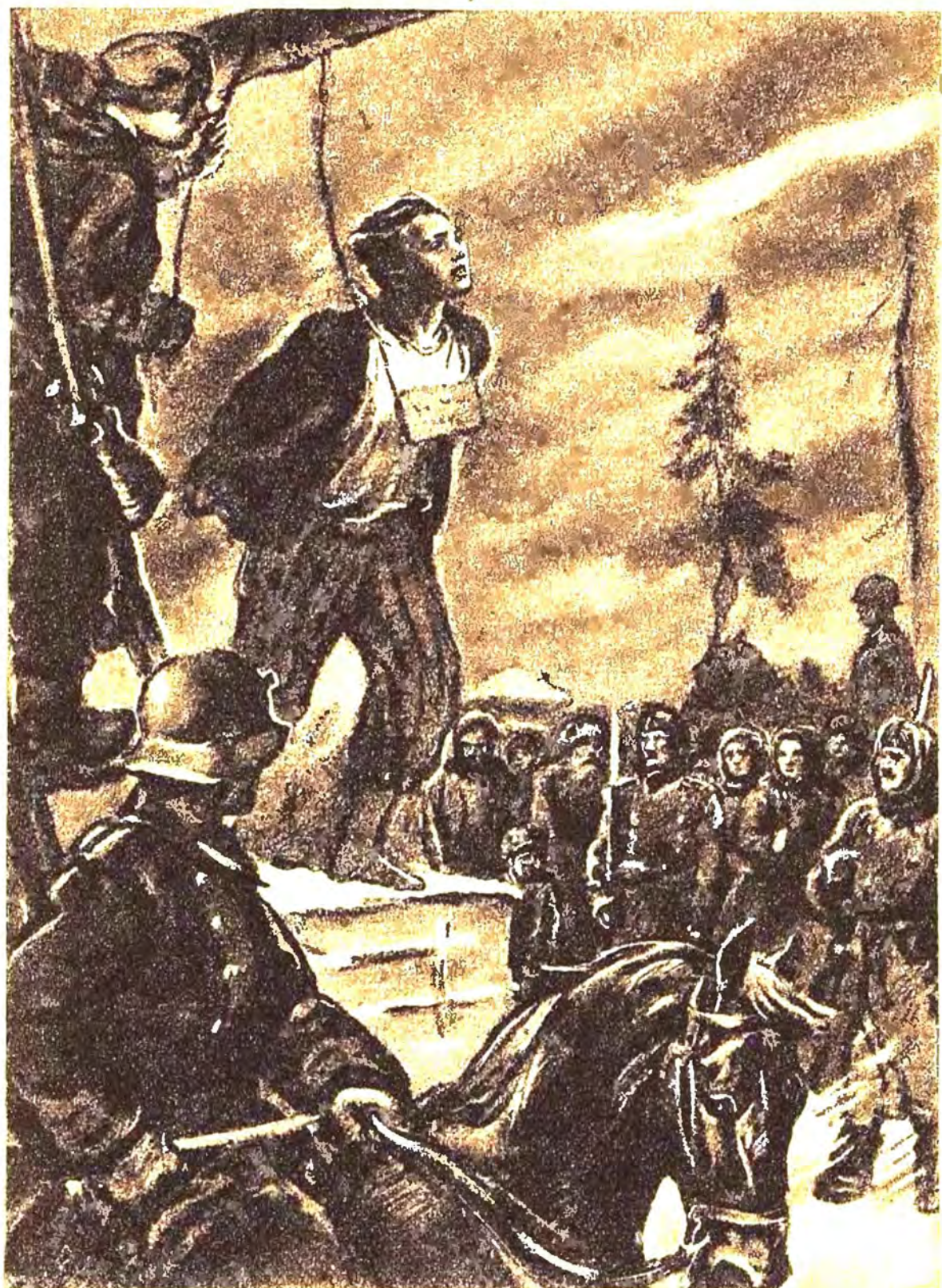
Полковник нетерпеливо машет фотографу.

— Довольно! — И делает знак палачу.

Веревка уже накинута на шею. Но каким-то невероятным усилием Зоя высвобождает связанные на спине руки, хватается за веревку, раздвигает петлю.

— Прощайте, товарищи! Боритесь! Не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!

Заскрипел по снегу вышитый из-под ног парти-

занки ящик. И среди полной тишины женский неистовый вопль пронизал воздух и заглох, отраженный многоголосьем ропотом. Толпа шарахнулась в разные стороны.

Нет, не удалось зрелище публичной казни, поучительной и устрашающей! Ни предсмертных судорог висельника, ни страшной маски его с выпученными глазами и синим распухшим языком. Истязания минувшей ночи уже подготовили к смерти измученное тело. Искра жизни, еще тлевшая в нем и поддерживаемая усилиями воли, погасла, как только веревка стиснула стройную шею, и прекрасное лицо с плотно сомкнутыми губами и закрытыми веками застыло в строгом спокойствии.

Больше трех недель раскачивалось на ветру тело девушки-партизанки, повешенной на перекрестке двух дорог в селе Петрищево. Но когда короче стали вьюжные ночи и длиннее ясные морозные дни, виселицу спилили. На краю села, за школой, под тремя седыми ветлами вырос могильный холмик. Старая колхозница с коричневым, как древесная кора, лицом часто приходила на могилку, клала земные поклоны, крестилась и концом головного платка утирала заслезившиеся глаза.

Прошло еще немного дней, и красные бойцы смыли серо-зеленую фашистскую плесень со всей округи. Только вдоль дорог сваленные повозки, ящики с минами и снарядами да корзины с патронами, только окоченелый труп колхозника, которого немцы в лютый мороз выгнали из родной избы и который так и застыл с вытянутой вперед, будто призывающей на помощь рукой, напоминали о страшных днях села Петрищево.

Эта землянка в густом ельнике видала виды. Выкопали ее немцы. В короткие октябрьские дни господы офицеры спасались здесь от ранней русской зимы. Землянка была обшита тесом. В железной печке уютно трещали

сосновые ветки. С низкого потолка свешивалась электрическая лампочка. Господа офицеры любили комфорт. Они развлекались здесь, как могли. Пили наворованное в оккупированных странах вино, курили наворованные сигары, играли в карты, сквернословили и писали хвастливые письма на родину. Но скоро развлечениям господ офицеров пришел конец: красноармейская часть, прочесывавшая лес, вышибла их из уютной землянки.

Господа офицеры удрали в одном исподнем белье, бросив оружие, вино, консервы и сигары, награбленные в оккупированных странах, и непристойные открытки отечественного производства.

После этого землянка пустовала, пока не набрел на нее партизанский отряд. Морозным декабрьским вечером трое партизан вышли из землянки — двое мужчин и девушка. Они условились, где встретятся, и разошлись в разные стороны. Двое вернулись ночью в назначенное место, но девушка не пришла. Партизаны поняли, что девушку схватили немцы, и землянка снова опустела: оставаться в ней было опасно.

Прошел еще месяц, полтора. На мглистом морозном рассвете из покинутой землянки вышел человек. От крепкой предутренней стужи спирало дыхание. Снег хрустел под ногами, как битое стекло. Ночь линяла с каждой минутой. В нарастающем свете дня обозначились давно не бритое, заросшее лицо, серо-зеленая шинель.

Настороженно озираясь, человек вынул карту, компас и, определив направление, побрел утоптанной тропой на запад.

Он поминутно останавливался, пугливо прислушиваясь и крепко сжимая свой маузер. Лес таил в себе тысячи опасностей: партизаны, красноармейская разведка... Справа сплошной стеной тянулся густой ельник. Там что-то зашуршало. Ветви молоденькой елки колыхнулись, как чьи-то руки. Немец остановился, втянул голову в плечи, коротко вскрикнул и бросился бежать. Над его ухом просвистела пуля. Он охнул, присел на корточки

и, увидев приближающегося красноармейца, поднял руки вверх...

В избе старой колхозницы, где еще недавно стоял немецкий штаб связи, собралась следственная комиссия.

— Вы присутствовали при допросе русской партизанки Зои Космодемьянской? — спросил председатель комиссии у пленного немца, которого только что ввели в избу.

Военнопленный внимательно выслушал произнесенные по-русски слова, потом с таким же вниманием их перевод по-немецки.

— Зои Космодемьянской? — повторил он, тщательно выговаривая трудную для произношения иностранца фамилию. — Я не знаю ее имя. Она не сказала.

— Я говорю о партизанке, замученной и повешенной немецким командованием в селе Петрищево в начале декабря 1941 года.

— О да, я присутствовал на допросе. Но маленькая героиня вашего народа оказалась тверда. Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего, она никого не выдала.

Каждый день великой отечественной войны приносил новые ободряющие вести о героической борьбе Красной армии с немецкими ордами.

В Вашингтоне и в Лондоне, в Калькутте и в Пекине, во всех точках Европы и Америки, во всех городах и селах Советского Союза, люди собирались у радио, и славное имя Зои Космодемьянской, советской школьницы, отдавшей родине свою расцветающую жизнь, с благоговением повторялось миллионами наряду с именами величайших борцов за счастье и свободу всего человечества.

Выражаю глубокую признательность лицам, оказавшим мне содействие при собирании материалов, на основании которых написана эта книга:

*Матери Зои Космодемьянской Любови Тимофеев-
не Космодемьянской, секретарю Тимирязевского рай-
кома комсомола г. Москвы т. Горчакову, педагогам
201-й школы г. Москвы, где училась юная героиня,
т. Новоселовой и т. Язеву, соученику Зои Космодемь-
янской т. Белокунь и сотруднику газеты «Комсомоль-
ская правда» т. В. Чернышеву.*

Автор

Ребята! Напишите нам, какие книги вы хотели бы прочитать в «Военной библиотеке школьника».

Наш адрес: Москва, М. Черкасский пер, 1, Детгиз.